

ПЕРЕПИСКА В.А. ЖУКОВСКОГО И К.К. ЗЕЙДЛИЦА: РУССКО-НЕМЕЦКИЙ ДИАЛОГ

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 09-04-95601 м/Мл).

На основании неопубликованных архивных материалов с историко-биографической и с филологической точек зрения впервые научно описан весь корпус переписки В.А. Жуковского с его близким другом – первым биографом доктором К.К. Зейдлицем.

Ключевые слова: переписка В.А. Жуковского; полигlossия; инертекстуальность; языковая игра в русском эпистолярном XIX в.

Об адресате В.А. Жуковского

Карл Иоганн фон Зейдлиц (Karl Johann von Seidlitz, 1798–1885, русское имя – Карл Карлович Зейдлиц) известен науке о литературе, прежде всего, как первый биограф Жуковского, написавший в 1860-х гг. книгу, судьба которой в России была непростой. По совету заведующего кафедрой русской словесности Дерптского университета А.А. Котляревского, он вынужден был сократить свой труд до очерка, опубликованного в «Журнале Министерства Народного Просвещения» за 1869 г. Тогда Зейдлиц принял решение выпустить полный вариант по-немецки: в 1870 г. в Митау выходит книга «Wasily Andrejewitsch Joukoffsky. Ein Russisches Dichterleben» и только через 13 лет, к 100-летию юбилею поэта, публикуется монография «Жизнь и поэзия Жуковского»¹.

Русская словесность никогда не была главным его занятием. Ко времени работы над книгой в память о Жуковском Зейдлиц был известен как практикующий доктор и автор многих работ по медицине, касающихся болезней глаз, сердца, мозга; медицинской истории турецкого военного похода и др. В область научных интересов Зейдлица входили и критические области иных наук и техники, однако он вошел в историю российского образования, главным образом, как основатель кафедры академической терапевтической клиники Санкт-Петербургской медико-хирургической академии².

Переписка Зейдлица с Жуковским позволяет по-новому взглянуть на его личность: этот немец, поселившийся в России, стал главным душевным другом и помощником русского поэта, поселившегося в Европе, крестным отцом его дочери. Жуковский доверяет Зейдлицу не только свои самые сокровенные переживания, но и самое дорогое, что у него есть, – свою семью, назначив его за 5 лет до кончины опекуном своих детей и «помощником жены». Зейдлиц также видит в старшем товарище (Жуковский был старше его на 15 лет и умер на 33 года раньше) близкого друга, способного разделить его личные радости и понять его не всегда восторженные и лестные представления о России, Петербурге и общих знакомых. В письмах к Жуковскому Зейдлиц предстает не только надежным поверенным в неоднозначных финансовых вопросах, но, прежде всего, заботливым семьянином, отцом семерых детей, отзывчивым товарищем, а также почитателем поэтического таланта Жуковского. С годами это взаимное доверие возрастает, о чем свидетельствуют обращения адресатов друг к другу. Жуковский называет Зейдлица не иначе как «мой милый Зейдлиц», «мой почтенный друг и брат», «мой любезнейший Зейдлиц», «мой милый, превосходный и превосходительный

Зейдлиц», Зейдлиц обращается Жуковскому также тепло: «lieber Joukoffsky» (милый Жуковский³), «mein teurer Joukoffsky und записной кум!» (мой дорогой Жуковский), «mein lieber alter Freund» (мой милый старый друг), «mein teurer Freund Joukoffsky» (мой дорогой друг Жуковский).

Жуковский и Зейдлиц ощущают тесную взаимосвязь собственных судеб, начавшуюся в Дерпте. В одном из последних писем поэт размышляет: «Мы оба каждый своею дорогою пустились в житейский путь из Дерпта, который и в твоей и в моей судьбе играет значительную роль. И вот теперь большим обходом возвращаемся на пункт отбытия, чтобы на нем до конца остаться...» [1. Л. 29 об.]. Однако и после отъезда из Дерпта их судьбы оказываются связанными непосредственно (об этом подробнее см. в обзоре содержания переписки).

Жуковский не случайно выбрал Зейдлица в качестве своего поверенного: он уверен в его деловых и человеческих качествах, в верности дерптскому братству, личном участии друга, в абсолютной честности и понимании тонкостей и нужд своей заграничной немецкой жизни. Жуковский неустанно напоминает Зейдлицу о своем доверии, просит у него помощи и совета: «У тебя на роду написано вступаться во все важные дела нашего семейства» [2. Л. 10]; «прошу оказать мне свою дружбу и исполнить мое желание, т.е. дать свой совет» [2. Л. 6]; «возлагаю на твое братское сердце заботу о моей семейной жизни <...> будешь нам спасительным помощником. Мне на старости трудно учиться практической жизни; ты же напротив вынес ее на плечах» [1. Л. 12 об.]; «что бы ни случилось, ты уже наперед обязан быть сторожем моего семейства, и я поручаю его твоей верной дружбе» [1. Л. 13 об.]; «ты ведь опекун моих детей, и тебе, вероятно, со временем придется заботиться о судьбе их» [1. 28 об.].

Зейдлиц – один из немногих, кто не оставляет без внимания поздние поэтические опыты Жуковского: один из немногих, «которых мнение ему драгоценно», и «самый значительный», как по «поэтическому чувству, так и по знанию дела» [3. 12 об.]. Зейдлиц дает развернутый отзыв на главные переводы поэта – «Одиссею» и «Рустема и Зораба», замечая: «in der Poesie, welche Ihr Gemüt noch immer jugendlich frisch zu erhalten scheint, Kinder blühten ohne Zahl! Dazu gehört nun auch Ihr Rustem und Zorab» [4. Л. 57]; «Sollten die Bahnen unserer Lebensläufer sich wirklich in Dorpat treffen, so können wir mündlich über Rustem und Sorab, sowie über manche andere, den свинопас богоравный, nicht zu vergessen – schwatzen» [4. Л. 58] (В поэзии, которая, кажется, все еще поддерживает Вашу душу по-юношески свежей, дети расцветают без счета! К ним принадлежит и Ваш Рустем и Зораб; Если действительно суждено

сойтись в Дерпте дорогам наших жизней, то мы сможем устно поболтать о Рустеме и Зорабе, как и о некоторых других, не забыв свинопаса богоравного).

Все это позволяет более пристально всмотреться в известные и не опубликованные до сих пор письма и определить их место и значение в жизненной судьбе и творческой биографии поэта и контексте культурно-исторической эпохи.

История публикации и изучения переписки

Интересующий нас корпус текстов имеет свою историю публикации. Впервые письма Жуковского частично были опубликованы самим Зейдлицем в его «Очерке...» в 1869 г., затем в немецком переводе в книге о Жуковском в 1870 г. и, наконец, в русском варианте монографии. Фрагментарно им опубликованы более десятка писем, и 4 почти полных письма вошли в приложение. «Русская старина» публикует некоторые письма в том же 1883 г. Девятью годами позже в 1902 г. в Собрание сочинений Жуковского под редакцией А.Д. Алферова входит 4 письма поэта – 2 перевода с французского и 2 русских текста в «Русском Библиофиле» (№ 7–8). В 1912 г. Н.В. Соловьев публикует черновик еще одного французского письма Жуковского в оригинале и переводе. Интерес к этой переписке возобновляется в новое время. В частности, стоит отметить тематически связанные, полемические статьи Л.И. Вуич [5] и М.Г. Салупере [6], каждая из которых дает целостное представление о характере диалога Зейдлица и Жуковского и вводит в научный оборот их неопубликованные письма.

Собственные письма Зейдлиц публикует в монографиях о Жуковском только фрагментарно, и они изучены гораздо слабее, в том числе из-за трудностей в расшифровке готического шрифта. Кроме того, они появились в России только в 1928 г., когда из Парижа было получено собрание А.Ф. Онегина. Некоторые неопубликованные письма Жуковского и переводы писем Зейдлица опубликованы Л.И. Вуич [5]. Автор полностью приводит записку Жуковского за 1823 г., хранящуюся в Русском музее, и письмо К. Зейдлица 1823 г. из Астрахани в переводе Р.Ю. Данилевского.

Таким образом, из более 60 писем и записок Жуковского к Зейдлицу опубликовано частично или полностью меньше половины, из интереснейших по сути ответных писем полностью опубликовано одно и описаны менее половины.

Подготовка к публикации переписки Жуковского в рамках издания ПССиП в 20 томах позволила не только прокомментировать обращения поэта к немецкому адресату, но и подробно изучить неопубликованные немецкие письма Зейдлица и поставить вопрос об эпистолярном стиле адресатов; словом, более или менее полно реконструировать 30-летний диалог Жуковского и Зейдлица на основе фактического материала, впервые вводимого в научный оборот.

Состав и хронология писем

Письма Жуковского к Зейдлицу находятся в составе крупнейших рукописных фондов – в Российской на-

циональной библиотеке, Пушкинском Доме, Государственном Русском музее и Российском государственном архиве литературы и искусства. Основной массив писем и записок на русском, французском и немецком (всего 48) находится в составе фонда Жуковского в РНБ (Ф. 286. Оп. 2. № 105–107. Д. № 443), в РГАЛИ выявлено всего два письма; в Пушкинском Доме – 9 писем из собрания Б.Л. Модзалевского и 1 письмо из Онегинского собрания, в Русском музее находится одно письмо. Конкретно это выглядит следующим образом.

РНБ. Ф. 286. Оп. 2:

№ 105 – 3 письма на французском языке за 1829 г. 4 февраля, 9/21 марта, 13/25 марта; а также 2 на русском языке того же года: от 18 и 29 апреля. Здесь находятся 9 записок без дат, которые по содержанию можно отнести к периоду с 1829 по 1839 г.

№ 106 – 2 записки без дат, 3 письма за 1843 г.: 4 (16) марта, б. д., 6 ноября; 3 письма за 1844 г.: 2 от 22 февраля/5 марта, 15/27 апреля; 1 письмо от 11 июня 1845 г.; 5 за 1846: 9/21 февраля; 4/16 июля, 10 октября; 7/19 декабря, а также 3 за 1847 год: от 20 января; б. д. и от 31 декабря.

№ 107 – 5 писем за 1848 г.: от 21 марта/2 апреля, 17/29 мая, 3/15 июля и одно без точной даты; 3 письма за 1850 г.: от 12/24 января и два без точных дат; 8 писем за 1851 г.: от 18/30 мая, 27 августа/10 сентября; 4 августа н. ст.; 9/21 августа; 29 августа/10 сентября; 8/20 ноября; 6/18 декабря; 19 (31) декабря; а также 1 письмо за 1852 г.: от 19/31 марта.

№ 443 – 1 записка без даты, предположительно 1841 г.

ПД:

Р. I. Оп. 9. № 70; «Из собрания Б.Л. Модзалевского» – 2 письма на французском языке за 1829 г.: 4/19 февраля и 13/25 марта; 2 приложения к письмам 1844 г. (росписи капиталов сестер Воейковых): от 6 марта и г. 15/27 апреля; 2 письма за 1845 г.: 7/19 февраля и без точной даты; а также окончание письма от 12/24 января (начало см. в РНБ) и 2 письма за 1851 г.: от 9 марта н. ст. и 28 июня/10 июля.

Онег. собр., № 27745 – одно письмо от 7/19 декабря 1846 г.

РГАЛИ:

Ф. 209 (Зейдлиц). Оп. 1. № 21. Л. 1–4 – 1 письмо от 30 октября 1837 г. и 1 письмо за 1842 г. без точной даты.

ГРМ:

Ф. 10. Архив Е.Е. Рейтерна. № 74 – одна записка б. д.

Нами выявлено и расшифровано более 60 писем и записок Жуковского к Зейдлицу. Дальнейшая работа позволит уточнить датировки документов. Этим вопросом занимался П.А. Висковатов – письма Жуковского к Зейдлицу содержат его многочисленные карандашные пометы относительно точной даты письма и редакторские комментарии.

Хронология точно датированных писем Жуковского выглядит так: 1829 г. – 5 писем на французском языке; 1837 г. – 2; 1842 г. – 2; 1843 – 3; 1844 г. – 5; 1845 г. – 3; 1846 г. – 6; 1847 г. – 3; 1848 г. – 5; 1850 г. – 3; 1851 г. – 11; 1852 г. – 1 письмо. Тексты условно можно разделить на 2 группы: первая относится к 1820-м гг., вторая принадлежит 1840-м – началу 1850-х гг. Такое разделение объясняется наличием коммуникативных поводов, связанных со смертью в 1820-е гг. близких обоим

адресатам женщин – М. Протасовой-Мойер в 1823 г.; сестры ее А. Протасовой-Воейковой в 1829 г. и дочери последней Е. Воейковой в 1844 г.

Почти все письма Зейдлица к Жуковскому находятся в Пушкинском Доме. 33 письма написаны по-немецки и расположены в хронологическом порядке, период корреспонденции охватывает 30 лет. Одно письмо за 1829 г. хранится в РГАЛИ (Ф. 198. Оп. 1). Вероятно, это не исчерпывающий список, однако, думается, самый полный. Подробнее он выглядит так: 2 письма за 1822 г. – от 13 мая и 24 ноября; 2 за 1823 г. – от 17 января и б. д.; одно за 1829 г.; одно за 1831 г. – от 14 апреля; одно за 1835 г. – от 22 июня; 2 за 1839 г. – от 12 марта и 14 июля; 2 за 1843 г. – от 9 мая и 6/18 августа; 3 за 1844 г. – от 6 марта, 15/27 марта и 10 мая; одно за 1845 г. – от 22 января; 3 за 1846 г. – от 17/29 января, 10/22 сентября, 24 ноября; 5 за 1847 г. – 1/13 января, 12/24 января, 30 марта/11 апреля, 7/19 июля, 17/29 декабря; 4 за 1848 г. – от 5/17 марта, 13/25 июня, 4/16 июня, 23 июля; одно за 1850 г. – от 8/20 сентября; 5 за 1851 г. – от 14/26 марта, 1/13 июня, 17/29 июля, 13/25 сентября, 19 ноября; а также одно письмо за 1852 г. – от 21 февраля/4 марта. Всего нами обнаружено 34 письма. Эпистолярная история Зейдлица, как видно, не имеет четко выраженных вершин, как у Жуковского; Зейдлиц пишет Жуковскому регулярно, и в 1830-е гг. хотя, конечно, не столь интенсивно, чем в 1840–1850-е.

Внешний вид писем

Большинство писем Жуковского написаны на двойных листах серо-голубой или желтоватой бумаги без водяных знаков, или без конвертов, или сложенных в конверты с написанным рукой Жуковского именем адресата: «Доктору Зейдлицу» или «Зейдлицу»; или адресом, например, «*Seinem Excellenz Dem Herrn wirklichen Staatsrath Doktor Seidlitz in Dorpat in Livland*» (Его превосходительству Господину Государственному Советнику доктору Зейдлицу в Дерпте в Ливонии). На письмах, сложенных в конверт, имеются почтовые штампы, типа: «*Baden 30 Mai 51*», «Дерпт. Получено 25 мая 1851». Жуковский пишет к Зейдлицу из Санкт-Петербурга, Перми, Дерпта, Франкфурта-на-Майне, Дюссельдорфа, Швальбаха, Баден-Бадена и получает от него письма из Санкт-Петербурга, Астрахани, Ревеля, Дерпта.

Перед текстом встречаются пометы адресата. Например, в письме от 31 декабря 1847 г.: «Письмо писано 1847, доставлено мне после смерти Жуковского в 1852 году. Зейдлиц» [1. Л. 35]. Имеются также пометы после текста с указанием о выполнении поручения, так, в письме от 7/19 декабря 1847 рукой Р.Р. Родионова: «Билет Государственного Коммерческого банка 25 апреля 1841. № 4345 на капитал 1930 р. серебр. на счет девицы Ек.А. Воейковой. Одиннадцать билетов Государст. Комиссии погашения долгов третьего займа № 218270 – 4.218277-9. 218280-2 и 218304 в пятьсот рублей каждый для доставления Г-ну Тайному Советнику Василию Андреевичу Жуковскому получил Коллежский Советник Ростислав Родионов. 18 декабря 1846» [2. Л. 15].

Два письма – от 4 августа н. ст. и 9/21 августа 1851 г. – по причине болезни глаз Жуковского писаны карандашом

с помощью печатной машинки, которую он сам изготовил («Пишу тебе об этом с закрытыми глазами, пользуясь машинкой, которую сам для себя на случай полной слепоты состряпал» [1. Л. 22 об.]). Письма от 29 августа (10 сентября), 8/20 ноября, 6/18 декабря, 19/31 декабря 1851 и 19/31 марта 1852 писаны его камердинером В. Кальяновым под диктовку по этой же причине.

Необходимо заметить, что практически все письма Жуковского к Зейдлицу содержат карандашные пометы П.А. Висковатова разного характера: это может быть уточнение датировки письма, реальный комментарий, сведения о публикациях фрагментов писем. Например, издатель будущей монографии Зейдлица дает ответ на вопрос Жуковского: «Что знаешь о Мойере и Кате Елагиной?» [1. Л. 10]: «Екатерина Ивановна Мойер вышла за сына Авдотьи Петровны Киреевской по второму мужу Елагиной – Василия Алексеевича Ел.» [1. Л. 10 об.].

К 41 письму Жуковского из всех, хранящихся в архиве Императорской Публичной библиотеке, имеются копии, сделанные одним лицом, которые однако, содержат ошибки или пропуски. В делах № 105–107 РНБ хранятся также записки жены Жуковского Елизаветы Рейтерн к Зейдлицу с перечислением необходимых при переселении в Дерпт предметов мебели и интерьера.

Содержание писем

Первое из обнаруженных посланий Жуковского датируется 1823 г. После смерти М.А. Мойер горечь потери и общее воспоминание о ней и дерптских временах навсегда связали Зейдлица и Жуковского: «Не скажу: какой ангел нас покинул! Нет! к а к о й а н г е л б ы л с н а м и! (разрядка автора. – Н.Н.) Он с нами и теперь. В этой мысли все святое в жизни! все доброе в настоящей и все прекрасное в будущей» [7. Л. 3]. Начинает эту переписку Зейдлиц. Уезжая в Астрахань на борьбу с холерой и опасаясь не вернуться, он отдает на хранение Жуковскому ее изображения, цепочку и шнурок из ее волос, а также книги из ее библиотеки с ее пометами. В ответ он получает «камушек с ее могилы», волосы и ее платье. Образ Маши невидимо присутствует в подтексте дальнейших писем друзей и возникает непосредственно в самые важные моменты их жизни. Так, Зейдлиц сообщает другу 14 апреля 1834 об искреннем чувстве к своей избраннице и будущей жене: «<...> ich habe gefunden, was meiner Seele fehlte, was der Tag mir vor 14 Jahren entriss, als die von uns, und von so vielen verehrte Mutter Marie dahinschied. <...> welche mich in die schönen Zeiten Dorpats zurueckversetzt <...>. Как она похожа Марии Андреевне! Какая душа!» [4. Л. 9 об.] (<...> я нашел то, чего не доставало моей душе, что отнял у меня тот день 14 лет назад, когда умерла нами и так многими глубокоуважаемая мать Мария. <...> нашел ту, которая перенесла меня в прекрасные дерптские времена). Ее имя добавляется в постскриптуме: «Bald hätte ich vergessen, zu sagen, wer denn meine Braut ist: Justine Rauch» [4. Л. 10 об.] (Я чуть было не забыл сказать, кто же моя невеста: Юстина Раух). Жуковский отвечает: «Письмо твое, в котором уведомляешь о своем счастье, меня изумило и обрадовало. Благослови, Всевышний, это чистое счастье твое надолго,

надолго. Если в жене своей ты нашел тот идеал, которым мы оба когда-то украшали свою жизнь, то остается желать тебе только одного – долгой жизни ей и тебе» [8. Л. 1 об.].

В 1829 г. переписка возобновляется в связи со смертью сестры Марии Протасовой. Зейдлиц как доктор и друг проводил Александру Протасову-Воейкову, находясь у постели умирающей. Вот как об этом пишет Жуковский: «Ты берег ее милую душу в последние минуты, и ты же сберег для нас всю прелесть этих последних, небесных минут. Благодаря тебе ее смерть не представляет нам ничего тяжело-печального» [9. Л. 5 об.].

После этих событий активная переписка друзей прерывается. Они тесно общаются, поселившись оба в Петербурге, о чем свидетельствуют многочисленные записки Жуковского, который просит Зейдлица приехать к нему как друга («Нельзя ли, мой любезный Зейдлиц, ко мне заехать. Надобно с тобою посоветоваться. Хорошо бы прежде Хти часов» [9. Л. 14]) и как доктора («Мой милый Зейдлиц, у меня засел в шею ревматизм. Нельзя ли его в шею вытолкать из шеи? Посылаю тебе мою карету» [9. Л. 16]).

Жуковский, поселившись за границей, возобновляет переписку с Зейдлицем. Весной 1843 г. он пишет из Дюссельдорфа: «Милый Зейдлиц, <...> Хотя мы друг другу не пишем, но мы друг друга любим, в этом я и ты уверены»; также в следующем письме: «Мой милый Зейдлиц, я незаконный человек, не писал тебе ни разу со времени моего отъезда из России – в это время, как тебе известно, я женился и уже приобрел премиленькую дочку» [2. Л. 6]. Третьим событием, сплотившим друзей в 1840-е гг., стала смерть дочери умершей Александры – Екатерины Воейковой. Зейдлиц становится для Жуковского самым надежным и верным другом в России, на которого можно положиться, не сомневаясь во взаимопонимании и преданности. Узнав о смерти Кати, поэт отправляет ему письмо с подробными инструкциями вопросу капиталов сестер Воейковых, составленных им самим: «Тебя, мой милый Зейдлиц, прошу, зная неповоротливость Мойера, все, что можно, наперед обделать в Петербурге; просьбы, доверенности и отречение должны быть написаны начисто на гербовой бумаге так, что им оставалось бы только подписать; даже и подписи напишите карандашом, иначе и то они там могут сделать как-нибудь наыворот. <...> Прости, мой милый Зейдлиц. Надеюсь на дружбу твою, уверен, что не откажешь в помощи нашим милым сиротам» [2. Л. 12 об.]. Зейдлиц выполняет все инструкции Жуковского в этом неоднозначном деле, на протяжении многих лет заботясь о капиталах Воейковых; он тут же отвечает 15/27 марта 1844: «Ihren Brief vom 22 Febr./5 März habe ich empfangen, und werde erfüllen, was Sie gewünscht haben» [4. Л. 24] (Ваше письмо от 22 февраля/5 марта я получил и исполню все, что Вы пожелали).

И, наконец, последним мотивом общения в середине 1840-х – начале 1850-х гг. стало возвращение поэта с семьей в Россию. Начиная с 1845 г. ни одно письмо Жуковского не обходится без обещания приехать в Россию: «Мой милый Зейдлиц, в ответ на твое дружеское письмо скажу, что я намерен приехать к вам в мае, но только не в мае 1846, а в мае 1847 г. Итак еще целый

год нам с тобою не видется. А может быть... но все на свете может быть, мы только не можем знать что быть может» [2. Л. 21] (9/21 февраля 1846); «На будущее лето мы приедем в Россию; и, конечно, не минуем Мейергофа, если ты там будешь, ибо непременно поедем через Лифляндию, где я на время оставлю жену у ее родных, а сам отправлюсь один в Петербург, дабы осмотреться и сделать планы для житья на будущее время. Я еще вовсе не знаю, где мне жить; уже колеблемся между Петербургом, Москвою и Лифляндией. Но в Петербурге жить не по моим доходам; в Москве и дешевле, и здоровее, и тише. Всего бы лучше в Лифляндии, но Лифляндия уже не то, что была прежде. Не знаю, почему, однако, но меня обрадовало известие, что ты переселился на житье в Мейерсгоф. Я не знаю Мейергофского дома, но на плане он был огромен; и мне как будто мерещится, что если этот огромный дом устроен, то в нем могли бы поселиться две семьи, вместо одной, что мы бы могли часть этого дома нанять на летнее житье» [2. Л. 22 об.]; «Что ты скажешь об этой Мейерсгофской колонии? Впрочем, такие дела совершаются не заочно, а на месте» [Там же]; «Какое будет для меня сердечное удовольствие все это тебе показать при моем возвращении в Петербург на будущее лето» [2. Л. 23] (4/16 июля 1846); «Я во всяком случае буду нынешним летом в Петербурге, с женою или без жены, которая все еще не оправилась» [2. Л. 30 об.] (20 января 1847); «мы отправимся в Россию. <...> Подумай о том, как бы удобнее и где поселить мою семью в Дерпте. Если Бог позволит, мы явимся туда в начале или половине августа» [1. Л. 19] (21 марта/2 апреля 1848) и т.д. Жуковский назначает точные даты, описывает назначенные маршруты, советуется по поводу покупки дома в Дерпте, искренне верит в скорую встречу с Зейдлицем, желает поселиться если не вместе, то по близости и дает ему новые и новые поручения в связи с переездом. Последний, в свою очередь, выполняет все его просьбы, осматривает квартиры в Дерпте, размещает у себя вещи Жуковского, присланные из Петербурга, заказывает мебель для его нового местожительства. В своем последнем письме к Жуковскому он подробно расписывает для него годовой бюджет проживания в России, заключая: «Da haben Sie ungefähr die Übersicht der höchsten Größe, Ich kann Sie aber versichern, dass hier in Dorpat keine Familie lebt, welche soviel jährlich vorausgibt, als Sie mir für sich disponibel angeben» [4. Л. 71 об.] (21 Febr./4 März 1852). Перевод: «Вот вам обзор максимальных расходов. Однако я могу Вас заверить, что здесь в Дерпте не проживает ни одной семьи, которая ежегодно тратила бы столько, сколько, как Вы указываете, имеется в Вашем в свободном распоряжении».

Зейдлиц до последнего времени не верит в скорое возвращение друга, но не потому что не доверяет его словам. Дело в том, что доктор искренне считает этот замысел неудачным. Он неоднократно намекает на это и пишет открыто, не советуя поэту переезжать в Россию. Ср.:

St Peterg 22 Januar 1845

Man sagte mir, Sie gedächten Ihre Hütten entweder hier an der Nawa, oder an der Moskwa zu bauen. Wie sehr Sie auch in Herzen Russ sind und an Ihrem Vaterlande hangen, so glaube ich doch, als Freund und als Arzt, Ihnen den Rath geben zu müssen: lieber dort zu bleiben, wo Sie jetzt sind!

Drängt es Sie, einmal die alten Bekannten wiederzusehen, nun so kommen Sie auf einige Wochen her – bald aber werden Sie selber sich wieder hinweg fahren, dahin, wo die Luft rein und mild weht, wo die Welt, wenigstens für Sie, keine Pest der Intriquen und Ränke gebiert. Selbst nur von solchen Reden zu hören ist schon ekelhaft, – was ist's nicht, ihnen gar zu verfallen! [4. Л. 28 об.].

Перевод: «Мне сказали, что Вы задумали устроить свое жилище или здесь на Неве, или на Москве-реке. Как бы сильно Вы не были привязаны всем сердцем к Руси и Вашему Отечеству, все же, полагаю, я, как друг и как доктор, должен дать Вам совет: лучше оставаться там, где Вы сейчас! Если же Вам не терпится, увидеть своих знакомых, тогда приезжайте на несколько недель – вскоре однако Вы сами снова уедете прочь, туда, где воздух чист и мягок, где мир, по крайней мере, для Вас, не порождает чумы интриг и козней».

Sankt-Petersburg 24 November 1846

Was Sie mir von Ihren Plänen zukünftiger Jahre schreiben, hat mich sehr erfreut. Wird es aber auch zur Ausführung Ihrer Reise oder Ihres Entschlusses kommen? Ich propagiere Ihnen aber voraus: Sie werden sich Livland, Petersburg und Moskwa angehen – und wieder an den Rhein zurückkehren. Wenn Sie am Rheine sich auch einen Fremden nennen, so müssen Sie sich doch dort heimischer fühlen als hier, wo die alten Herzen schon nicht mehr schlagen und die, welche noch schlagen, nicht die alten mehr sind. Hier, scheint es, freut sich niemand mit kindlicher Lust seines Lebens, nicht einmal die Kinder. Daher zum Teil auch mein Entschluss, mich aufs Land zurückzuziehen, wo meine Jungen sich vielleicht zwanglos in Wald und Flur ergehen können, und zu Menschen heranwachsen – eine Tierart, die immer seltsamer wird [4. Л. 36 об.].

Перевод: «То, что Вы пишете мне о своих планах на будущее, очень меня порадовало. Но сбудется ли Ваше путешествие или Ваше решение? Я предсказываю Вам заранее: Вы покорите Лифляндию, Петербург и Москву – и снова вернетесь на Рейн. Если Вы называете себя чужим даже на Рейне, то там Вы все же должны в большей степени чувствовать себя как дома, чем здесь, где бывшие сердца уже больше не бьются, а а те, что еще бьются, уже не те, что бывшие. Здесь, кажется, никто не радуется своей жизни с детским восторгом, даже сами дети. Отчасти по этой причине я решил переехать в деревню, где мои дети смогут гулять на природе и вырасти людьми – породой, которая становится дикой».

St Petersburg 12/24 Febr 1844

Leben Sie wohl, Gott erhalte Ihnen und Ihrer lieben Gemahlin Gesundheit und frohen Mut – und bewahre Sie von den Beschwerden eines Überzuges, die ich gerade jetzt, wo ich nach Meyerhof übersiedele, aus dem Gesinde kennen lerne! [4. Л. 41] (Будьте здоровы, дай Бог Вам и Вашей милой супруге здоровья и веселого настроения – и упаси Вас Бог от тягот переезда <...>!).

Жуковский не обращает внимания на эти советы, никак их не комментирует, и даже в последнем письме Зейдлицу, менее чем за месяц до кончины, он не теряет надежды вернуться на родину, 19/31 марта 1852 он пишет из Бадена: «Мой милый Зейдлиц, ты меня весьма порадовал известием, что дом Бриниг для меня не пропал и что он нанят мне на год; авось в нынешнем

году я доберусь до Дерпта <...>. Теперь только началась теплая погода, но устоит ли, Бог знает. Гугерт надеется, что в половине июня я могу покинуть Баден; дай Бог устами его мед пить. <...> Но заочно судить ни о чем нельзя; перспектива завестись собственным домом меня веселит» [1. Л. 37].

Таким образом, Жуковский и Зейдлиц оказываются неразрывно связаны, подружившись в 1810-х гг. в Дерпте. Объединяющее их глубокое чувство к Марии Протасовой-Мойер красной нитью проходит сквозь их эпистолярный диалог, хотя потенцируют их переписку трагические события. Смерть трех самых дорогих им женщин (самой Марии, ее сестры и племянницы) и хлопоты об оставшихся в живых двух сестрах Воейковых связывают друзей на долгие годы. Последний сюжет их взаимоотношений – (не)возвращение Жуковского в Россию – также оказывается печальным, завершившись смертью поэта в 1852 г. Несмотря на это, диалог Зейдлица и Жуковского проникнут светлыми чувствами благодарности, веры в Бога и человека, надежды на лучшее.

Текстообразующие факторы эпистолярия

Исследуемая переписка является не только ценным биографическим и историческим документом, но и литературным памятником, частью эпистолярного наследия целой эпохи.

Во-первых, этот эпистолярный диалог интересен своей полиглоссией. Зейдлиц пишет только по-немецки, часто с русским и французским интертекстом. Жуковский начинает на французском (письма 1820-х гг.), но вскоре переходит на русский и впредь пишет своему адресату на родном языке, не считая одной записки по-немецки. При этом полиглоссия русских писем Жуковского и немецких писем Зейдлица имеет особый характер.

Иноязычные включения обретают у Зейдлица функцию языковой игры с комическим или сатирическим эффектом. Ср., например: «Sie – der fruehere Besitzer – fragen: Что это за Уннипихт? – Wissen Sie denn nicht, dass Ihre Besitzungen aus der Graftschaft Meyerhof und der Markschaft Unnipicht bestanden» [4. Л. 44] (Revel 7/19 Juli 1844). Или: «In der Zeitung las ich, dass Woeykoff gestorben, wozu ich herzlich pozdravlyau! – Leben Sie wohl! (Revel den 17 Juli 1839)» [4. Л. 16 об.] (В газете я прочел, что умер Воейков, с чем <...>!). Иногда они имеют статус цитат без кавычек, но вводятся с той же функцией – для усиления игрового подтекста. Так, 12/24 февраля 1844 г. Зейдлиц настаивает на приезде Жуковского в Петербург для личного участия в разделе капитала умершей Екатерины Воейковой и заключает: «Also, с женою или без жены – Sie kommen!» [4. Л. 40] (Итак, <...> Вы приезжаете!); или, например: «daher с Богом – приезжайте!» [4. Л. 64]. В письмах Жуковского такого рода диглоссы также встречаются, хотя гораздо реже. Например: «Письма, посланного мне с Раухом, я не получал: zu Rauch geworden» [2. Л. 8]. Фамилия свекра Зейдлица соответствует немецкому слову «дым», в результате языковой игры получается, что письмо «превратилось в дым/стало Раухом».

Русско-немецкая диглоссия выходит на уровень ключевых формул рассматриваемого эпистолярного

диалога, вводит некоторые смысловые лейтмотивы переписки. Таким обозначением становится, например, метафорическое высказывание Жуковского в связи с многолетним делом о капиталах Марии и Александры Воейковых после смерти их сестры Екатерины: «Смерти верить нельзя, она как вор приходит не в законный час и крадет все, что ни попадется ей в когти» [2. Л. 29 об.] (7/19 декабря 1846). Зейдлиц цитирует его ровно через год в связи с кончиной художника Мейделя: «Sie werden wohl zuvor erfahren haben, dass unser Freund Meydell im Sommer gestorben ist. Право! Смерть приходит как вор не в законный час!» [4. Л. 47 об.]. Перевод: «Вы, наверное, уже знаете, что наш друг Мейдель летом умер».

Думается, франко-русская, а затем немецко-русская диглоссия двух периодов исследуемой переписки связана с определенным типом функциональной нагрузки. С одной стороны, французские тексты Жуковского 20-х гг., как и других русских поэтов первой половины XIX в., соотносятся, по верному замечанию И. Вяткиной, с «необходимым этапом в выработке индивидуального поэтического и прозаического стиля» на пути становления «повествовательно-разговорных элементов русского языка» [10. С. 7]. С другой стороны, то, что ранние послания к Зейдлицу написаны по-французски, объясняется, очевидно, коммуникативным сюжетом. Жуковский упрекает Зейдлица в том, что тот не оповестил его заранее о смертельной болезни Александры Воейковой, и все его письма 1820-х гг. продиктованы беспокойством о ее положении, а после ее смерти – о судьбе ее дочерей. Можно предположить, что в это время молодой доктор Зейдлиц еще не достаточно близок Жуковскому, это начало его посредничества в семейных делах поэта. После похорон Александры и хлопот, связанных с устройством ее дочерей в Дерпте, которые легли на плечи Зейдлица, Жуковский проникается к нему полным доверием и переходит с официально-формального французского на русский язык. Зейдлиц, в свою очередь, пишет только по-немецки не только потому, что плохо знает иностранные языки (его поздние письма содержат объемные русские и французские цитаты). Обращение к адресату на родном языке означает, среди прочего, доверие и искренность пишущего.

Во-вторых, одним из текстообразующих факторов рассматриваемого эпистолярного диалога являются шуточные прозвища – элемент, восходящий к арзамаской традиции.

Жуковский начинает эту игру: «Прости, мой милый Барон Мейерсгофский и Маркиз Униппихтский, будь счастлив в новом ранге землевластителя. Наблюдай, чтобы мои бывшие подданные были счастливы» [1. Л. 3] (5 мая 1841). Дело в том, что Зейдлиц покупает Мейерсгоф – поместье, принадлежавшее когда-то Жуковскому, в чем оба видят высший смысл. Зейдлиц продолжает этот игровой сюжет в письме от 9 мая 1843, сочинив о бывшем владельце-поэте шуточное стихотворение: «Вот! и будет с меня! Dafür hoffe ich aber auch, künftig mich auf jenen bis jetzt so verwaist gewesenen Gütern wie im Himmel zu fühlen, besonders, wenn jemals die Russen dahingelangen sollten, gleich die Engländer die Besitzlichkeiten ihres Poeten für heilige

Wallfahrtsplätzen zu halten. An der Landtür wird nämlich eine goldene Inschrift Folgendes besagen:

“Hier, Wanderer halte an! und setze dich zum Erden:

Joukoffsky, der Poet, hat einst dies Gut besessen!”» [4. Л. 19 об.].

Перевод: «Зато я, однако, надеюсь, что буду чувствовать себя в и поныне таком осиротелом имении как на небесах, особенно, если вдруг будут заглядывать русские, которые, подобно англичанам, должны будут считать владения своего поэта святым местом паломничества. Надпись золотом на входной двери будет гласить:

“Здесь, путник, остановись! и сядь на землю:

Жуковский, поэт, когда-то владел этим имуществом!”».

Юмористический эффект двустипия усиливается непередаваемым созвучием немецких глаголов «sich setzen» (садиться) и «besitzen» (обладать, владеть чем-л.).

Второе прозвище – «превосходительный и превосходный» – дано Зейдлицу и появляется как будто случайно в связи с путаницей в обращениях и титулах в России, куда Жуковский адресует свои письма из заграницы, и впоследствии закрепляется. Ср.: впервые в 1846 г. – «Да как к тебе надписывать: превосходительство или высокородие. Ты, превосходный, достоин именоваться превосходительным» [1. Л. 24 об.]; в 1851 г. – «В Дерпте есть мой собственный стол, находящийся под опекой д-ра К.К. Зейдлица, и письменный стол, обещанный мне на употребление по смерти оным же Действительным Статским Советником, превосходительным и превосходным» [1. Л. 20 об.].

Однако Зейдлиц не остается в долгу и отвечает другу не менее ярким поэтическим олицетворением. Пародический образ Жуковского представлен посредством интертекста стихотворения Ф. Шиллера «Das Mädchen aus der Fremde» («Дева с чужбины»). Это шуточное имя Зейдлиц дает Жуковскому в связи с последним сюжетом их переписки – возвращением поэта в Россию. Письмо от 14/26 марта 1851 г. Зейдлиц начинает таким образом:

In einem Thal bei armen Hirten

Erschien mit jedem jungen Jahr

Sobald die ersten Lerchen schwirrten

Ein Madchen schon und wunderbar etc. etc.

Eben so erscheint mit jedem jungen Jahr bei mir die Botschaft von meinem lieben Freunde Joukoffsky; ihm in Dorpat eine Wohnung zu mieten. Alles zu seinem Empfange bereit zu machen – aber kaum baut sich die Lerche ihr Nest, kaum lässt die Nachtigall sich hören, solange auch schon wieder das Brieflein an, in welchem es heißt: dieses Jahr bleiben wir noch in Deutschland! Doch diesmal, glaube ich, wird's mit Ihrer Heimkehr ernst; ob auch mit der Übersiedlung nach Dorpat – das liegt auf den Knien der unsterblichen Götter! [4. Л. 59].

Перевод:

«В долине у бедных пастухов

Являлась каждую весну,

Как только начинали кружиться первые жаворонки,

Дева, прекрасна и великолепна, и т.д. и т.д.

Также является мне каждую весну послание от моего дорогого друга Жуковского; чтобы я снял для него в Дерпте жилье. Подготовил все к его приему – но как только построит жаворонок свое гнездо, как только

послышится пение соловья, тут же снова приходит письмо, в котором говорится: в этом году мы еще остаемся в Германии! Однако на этот раз, я полагаю, с Вашим возвращением на родину все серьезно; а с переездом ли в Дерпт – это известно лишь бессмертным богам!»

Менее чем через 5 месяцев 4 августа н. ст. 1851 Жуковский отвечает: «Чего доброго может случиться, что das Mädchen aus der Fremde опять останется in der Fremde» [1. Л. 21].

Третьим текстообразующим фактором русско-немецкого диалога Зейдлица и Жуковского являются близкий и понятный обоим принцип романтического жизнестроительства. Языковая игра и искрометный юмор Зейдлица не затмевают склонность обоих к характерным морально-назидательным сентенциям, своего рода притчевым поучениям. У Жуковского они выражаются в оригинальных размышлениях типа: «по милости Божией (которая из человеческого безумства творит свое благо)» [2. Л. 22 об.]. Его адресат выражает если не те же, то созвучные идеи более кратко, посредством интертекста, например известных немецких поговорок, выставляя их в качестве эпиграфа или заключения. К примеру, письмо от 6 марта 1844 он предваряет мудростью «Der Mann denkt, // Gott lenkt!» [4. Л. 22], которую можно перевести как «Человек предполагает, а Бог располагает» или «Неисповедимы пути Господни»; свои рассуждения от 8/20 сентября 1850 г. он завершает так: «Doch, kommt Zeit, kommt Rath!» [4. Л. 63] (Однако, будет день – будет пища!). Письма Зейдлица содержат многочисленные узнаваемые интертексты из Шиллера, Ламартина и других поэтов. В этих формулах содержатся близкие Жуковскому-романтику мысли – актуальные в его зрелом творчестве идеи судьбы, веры в Провидение и доверенности на Бога.

Четвертый игровой и одновременно знаковый лейтмотив переписки, обнаруживающий тонкую связь судеб двух друзей, символически разворачивается в поэтике вещей, воплощается в образах дорогих их сердцам предметов, сохранившихся у Зейдлица. Это стол Жуковского с его бумагами и колыбель, сделанная Зейдлицем для Кати Мойер. Жуковский регулярно справляется о своем любимом столе, шлет ему приветствия: «Здоров ли мой стол? Прошу его беречь, как глаза, т.е. мой стол с рисунками Короля Прусского» [2. Л. 7 об.]; «поклонись моему столу» [2. Л. 9 об.] (15/27 апреля 1844); «Поклонись столу» [2. Л. 23] (4/16 июля 1846); и даже отдельно упоминает его в письме-завещании, отправленном Зейдлицу после смерти поэта: «Драгоценный стол мой находится у тебя. Все это должно быть сохранено жене моей, кроме бумаг, которые должны быть преданы сожжению» [2. Л. 35 об.] (20 января 1847). Зейдлиц неустанно уверяет, что со столом все в порядке: «Ihr Tisch befindet sich ganz wohl und wird, wie sich's gebührt, in Ehren gehalten» [4. Л. 20]. Перевод: «Ваш стол чувствует себя очень хорошо и содержится с подобающими почестями»; и передает его позже на хранение своему свекру. «Ihren vom Könige von Preußen gezeichneten Tisch habe ich für's erste zu meinem Schwiegervater Dr. Rauch in Ver-

wahr gegeben. Ich erwarte Ihre weitere Verfügungen über dieses Kleinod» [4. Л. 43], 30 März/11 April 1844 г. Перевод: «Ваш полученный от Короля Прусского стол я передал на хранение своему свекру доктору Рауху. Жду Ваших дальнейших указаний по поводу этого сокровища». Он, в свою очередь, так же трогательно относится к колыбели: «Die Wiege, welche ich vor 27 Jahren fuer Katti Moier gemacht habe, steht jetzt in Unnipicht, um mein sechstes Kind in den Schlaf zu halten. Eine ganze Geschichte liesse sich aus dieser Wiege schreiben!» [4. Л. 45 об.], 7/19 Juli 1844. Перевод: «Колыбель, которую я сделал 27 лет назад для Кати Мойер, стоит сейчас в Уннипахте, чтобы сохранять сон моего шестого ребенка. Можно было бы написать целую историю на примере этой колыбели!». «Habe ich doch die Wiege, welche ich fuer Katti Moier selber getischlert, an Alexandrine gleichen gehabt, und darauf meine eigenen sieben Kinder darin gewiegt; so will ich mich denn auch als Depositär der Wiege Ihrer Schwanenlieder ansehen» [4. Л. 59 об.], 14/26 März 1851 г. Перевод: «У меня ведь есть колыбель, которую я сам вырезал для Кати Мойер, такая же была у Александры, и в ней качал моих собственных семерых детей; также и я хочу стать хранителем колыбели Ваших лебединых песен».

Наконец, близость и глубокое человеческое доверие между Жуковским и Зейдлицем открывается в их эпистолярном общении на самые сокровенные темы – практически ни одно письмо не обходится без упоминания о жене и детях. Так Зейдлиц, как более опытный отец, поздравляет поэта с рождением сына: «Möchten Sie in vollem Masse die Seeligkeit empfinden, welche dem Vater nur die jugendliche Seele seines Sohnes entgegenstrahlt, seines Sohnes, in welchem er zu vollenden gedenkt, was er selber hinwieder nicht vermacht, oder versehet hat! In den Kindern feiern wir ja die erste Wiedergeburt unserer Selbst! Gott erhalte Ihnen und die Ihrigen!», 22 Januar 1845 [4. Л. 28]. Перевод: «Желаю Вам почувствовать в полной мере то душевное тепло, которое излучает на встречу отцу юная душа его сына, его сына, в котором, он думает, свершится то, чего не сделал или проглядел он сам! В детях мы радуемся первому воскрешению нас самих! Храни Бог Вас и всех Ваших!». Жуковский в самые сложные моменты своей заграничной жизни остается с ним абсолютно откровенным в переписке второй половины 1840–1850-х гг. Так, в письме от 7/19 декабря 1846 г. читаем: «У меня плохо. Жена жестоко страдает нервами, после болезни почти 4 недели продержали ее в постели. Это так мучительно и для меня, что иногда хотелось бы голову разбить об стену» [3. Л. 1 об.].

Таким образом, русско-немецкий эпистолярный диалог Жуковского и его первого и лучшего биографа Зейдлица представляет полную картину жизни и творчества русского романтика 1830–1850-х гг. и впервые открывает интереснейшую личность Зейдлица-поэта, друга, доктора, хранителя и поверенного в делах, до последних дней не оставившего Жуковского. Более 30 лет переписки и около 100 писем обоих адресатов представляют уникальный, богатый сюжетами цикл искрометных, полиязычных эпистолярных текстов «золотого века» русской литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. об этом: Никонова Н.Е. Жизнеописание поэта и проблема трансфера: немецкая монография К. фон Зейдлица о В.А. Жуковском // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 26–31.
- ² Подробнее об этом см.: Пупкевич-Диамант Я.С., Кузнецов И.А. Карл Карлович Зейдлиц и его время. СПб.: Изд-во ЭЛБИ-СПб., 2003.
- ³ Перевод с немецкого везде наш. – *Н.Н.*

ЛИТЕРАТУРА

1. РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 107.
2. РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 106.
3. ПД. Р. I. Оп. 9. № 70.
4. ПД. № 28.052 Онег. собр.
5. Вуич Л.И. «Верный друг живым и мертвым» доктор Зейдлиц. «Думая о тебе, невольно прихожу к мысли, что между твоєю и моею судьбою есть какая-то таинственная связь». В.А. Жуковский – К.К. Зейдлицу // Наше наследие [Интернет-журнал]. Режим доступа: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6914.php>. Код доступа: свободный.
6. Салунере М.Г. Зейдлиц и Жуковский – к истории взаимоотношений. Пушкинские чтения в Тарту 3: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева / Ред. Л. Киселева. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004. С. 181–197.
7. РО ГРМ. Ф.10. Архив Е.Е. Рейтерна. № 74. Л. 3.
8. РГАЛИ. Ф. 209. Оп. 1. № 21.
9. РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 105.
10. Вяткина И.А. Диглоссия русских маргинальных жанров (домашняя поэзия и эпистолярный В.А. Жуковского): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 апреля 2009 г.